

Терехова Е. В. Специфика дискурсивного развертывания англоязычного массмедийного текста / Е. В. Терехова, С. И. Савинцева, А. В. Збань // Научный диалог. — 2018. — № 6. — С. 43—56. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-43-56.

Terekhova, E. V., Savintseva, S. I., Zban, A. V. (2018). English Mainstream Texts and Specifics of Their Discourse Expansion. *Nauchnyy dialog*, 6: 43-56. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-43-56. (In Russ.).

УДК 81'42:81'276.6

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-43-56

Специфика дискурсивного развертывания англоязычного массмедийного текста

© Терехова Евгения Викторовна (2018), orcid.org/0000-0002-5470-2804, доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Национального научного центра морской биологии, Дальневосточное отделение Российской академии наук (Владивосток, Россия), evgeniavlad@gmail.com.

© Савинцева Светлана Ивановна (2018), orcid.org/0000-0001-7551-037X, доцент кафедры иностранных языков Национального научного центра морской биологии, Дальневосточное отделение Российской академии наук (Владивосток, Россия), s_savintseva@mail.ru.

© Збань Анна Валентиновна (2018), orcid.org/0000-0002-9992-9500, доцент кафедры иностранных языков Национального научного центра морской биологии, Дальневосточное отделение Российской академии наук (Владивосток, Россия), for_azban@mail.ru.

Рассматривается английский массмедийный текст и специфика его дискурсивного функционирования через призму устойчивых словосочетаний. Выявляются различия между дискурсом и текстом, приводятся определения дискурса, способствующие выделению употребляемых и описываемых примеров, заимствованных из английских аутентичных текстов, в каждом из которых анализируются изучаемые сочетания. В центре внимания статьи находится семантический анализ примеров, показывающий, что в одних случаях имеет место переинтерпретация прямого значения слова, в других — подчеркивается факт затруднения поиска значения в силу непрозрачности или нетривиальности информации, передаваемой маркированным компонентом конкретного устойчивого сочетания. Новизна исследования заключается в том, что в процессе вербализации информации мысль автора массмедийного текста передается посредством ее «упаковки» в определенную языковую структуру со своими специфическими признаками. Используемые фоновые знания при этом не ограничиваются исключительно языковыми структурами, они затрагивают социальный «ландшафт» развертываемого дискурса с целью достижения своего адресата, антропоцентриче-

скую образность и т. д. Актуальность исследования, как это видится авторами статьи, заключается в выявлении узуальных, характеризующих определенный языковой социум признаков дискурсивного развертывания текста. Анализируемые в соответствующем семантическом поле глаголы, сложные слова и устойчивые словосочетания, как показывают авторы статьи, играют важную роль в речемыслительном процессе функционирования конкретного массмедийного текста.

Ключевые слова: дискурсивное развертывание текста; устойчивые сочетания; маркированные и немаркированные компоненты; антропоцентрическая образность; фоновые знания; социальный «ландшафт»; семантическое поле; фактор адресата; массмедийные тексты.

1. Введение

Предметом рассмотрения в данной статье являются массмедийный дискурс и функционирующие в нем устойчивые словосочетания с характерными для них признаками, что способствует их дискурсивному использованию, а впоследствии и тиражированию английскими массмедийными текстами. Авторы статьи на материале официальных (mainstream) английских политических текстов анализируют указанные сложные языковые единицы, образное постоянство формы и значения, описание специфики составляющих их компонентов, изучая их признаки и особенности употребления в процессе развертывания английского массмедийного дискурса. Под устойчивыми словосочетаниями авторы работы понимают особый тип связанных выражений, которые можно характеризовать как инновационные, относящиеся через свою ситуативно-текстовую отнесенность к актуальному событию [Терехова, 2009, с. 30].

Дискурсивное развертывание массмедийных СМИ, интенсивно «подталкиваемое» широко тиражируемыми устойчивыми сочетаниями, позволяет этим последним становиться узнаваемыми и часто употребляемыми. В рамках политического дискурса исследуемые словосочетания, помимо свойств тиражной воспроизводимости, также обладают способностью развивать и развертывать текст за счет обыгрывания прямого и переносного смыслов. Практика показывает, что подобное «переключение» смысла исследуемых выражений в плоскость переносных значений способно наделять текст определенными узнаваемыми признаками. К числу этих последних относятся признаки, присущие именно массмедийным политическим текстам, создаваемым и распространяемым журналистами через официальные СМИ, телевидение и Интернет.

2. Понятие развертываемого дискурса

Приведем лишь некоторые из многочисленных дефиниций дискурса, которые в определенной степени льют воду на нашу мельницу конкретики

развертывания массмедийного дискурса. Он, например, может определяться как «текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора, причем содержание дискурса часто, хотя и не всегда, концентрируется вокруг некоторого “опорного” концепта» [Демьянков, 2003, с. 116]. Другое определение трактует «дискурс как речемыслительный процесс, приводящий к образованию языковых структур, которые, предположительно, в дальнейшем будут зафиксированы в памяти или в письменном виде» [Борботько, 2007, с. 5], далее мы сможем сравнить его с определением текста. Политический дискурс является естественным «ландшафтом», можно сказать, своеобразной «средой обитания» устойчивых словосочетаний, являющихся продуктивным способом экспрессивного именованья новых явлений в жизни общества. Свою лингвокультурологическую завершенность и оформление эти связанные с главными официальными событиями новообразования, в иной терминологии инновации, получают, как правило, в рамках политического массмедийного дискурса, дающего им путевку в жизнь.

Любой политический текст, в том числе и газетный, обладает набором как общих, так и специальных признаков, которые в значительной степени определяются спецификой дискурсивного развертывания и функциональными характеристиками изучаемого текста. К числу первых относятся признаки, присущие массмедийным политическим текстам, которые созданы журналистами и распространяются посредством прессы, радио, телевидения и Интернета. К числу вторых можно отнести только существенные признаки, характеризующие тексты, созданные политиками, — их часто относят к числу институциональных текстов [Будаев и др., 2008, с. 33].

Довольно трудно оказалось выделить конструкции, выражения и структуры, которые несут в себе следы основных этапов своего формирования; их иногда крайне сложно дифференцировать, поскольку в процесс создания и дискурсивного развертывания массмедийного текста активно «втянута» вся языковая система как средство создания речевого образа в сознании человека, адресата дискурса. Причем в этом процессе одновременно участвуют единицы разных уровней языка, от фонетического до сверхфразового уровня. Ниже приводится высказывание О. Н. Селиверстовой о том, что язык существует только в акте коммуникации, и любое значение можно определять относительно этой формы существования, поскольку при семантическом анализе исследователь всегда имеет дело с речью (дискурсом, Е. Т.), выводя значения анализируемых словосочетаний из наблюдаемых фактов их употребления [Селиверстова, 2004, с. 35].

Столь стремительное развитие новейшей базовой категории дискурса (равно как трансформации предметного поля социально-гуманитарных и политологических исследований) не позволяет дать дискурсу какое-то одно четкое определение. Поскольку дебаты о его статусе сводятся в основном к его сравнению с текстом, в этой статье авторы также предпочитают при анализе массмедийного дискурса и его «реперных точек», в качестве которых выступают устойчивые словосочетания и / или фразеологизмы, начать с конкретных сравнений. И прежде всего следует прояснить, чем является и чем не может являться дискурс.

3. Примеры устойчивых сочетаний в дискурсе.

Маркированные и не маркированные компоненты

За основу анализа был принят подход, предлагаемый А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским, построенный на описании соответствующих семантических полей, в которых функционируют устойчивые сочетания и фразеологизмы [Баранов и др., 2008, с. 475]. Авторам статьи хотелось бы также подчеркнуть мысль о том, что в любом устойчивом словосочетании, состоящем из двух и более компонентов (слов), всегда есть один главный, нетривиальный, несущий основную нагрузку, или, в иной терминологии, дающий иную точку отсчета при анализе и переводе, поскольку он использован не в своем прямом значении. Он получил название маркированного компонента (в примерах ниже он выделен авторами). Второй компонент выступает, соответственно, как не маркированный компонент устойчивого сочетания и представляет собой употребление слова в своем прямом значении слова.

Ниже приводятся примеры, иллюстрирующие устойчивые словосочетания с указанием их маркированных и не маркированных компонентов: *the world's political and economic "landscape"* — мировой политико-экономический «ландшафт»; *a healthy and robust market* — здоровый и сильный рынок; *Glut of weapons* — насыщенность оружием; *fallout of this bombing campaign* — последствия бомбёжки; *all this against the backdrop of new financial & diplomatic sanctions* — и всё это на фоне новых финансово-дипломатических санкций. Маркированные, то есть употребленные не в своем прямом значении компоненты устойчивых словосочетаний здесь выделены. Кратко характеризуя специфику маркированного элемента в устойчивых словосочетаниях, приведенных выше, можно указать на тот факт, что этот компонент выражен нетривиальным, непрозрачным, сложным производным или стилистически и эмоционально окрашенным словом.

4. Дискурс и текст: сходства и различия

Если же попытаться кратко обобщить некоторые принципиальные различия между дискурсом и текстом, то к ним, по мнению авторов, можно отнести следующие:

- 1) дискурс относится к области лингвосоциального, текст — исключительно лингвистическая категория;
- 2) дискурс — это категория процесса, текст — категория результата;
- 3) дискурс относится к области актуального, текст может относиться к области виртуального;
- 4) дискурс в отличие от текста — одновременно может быть реальным и ирреальным.

Рассмотрим подробнее эти различия, иллюстрируя их примерами:

(1) О дискурсе можно вести речь, если высказывание имеет социальные последствия. Текст, в свою очередь, представляет собой некоторый абстрактный ментальный конструкт, наделенный характеристиками смысловой целостности и грамматической завершенности. Дискурс есть атрибут коммуникативно-социального, в нашем случае — медийно-политического поля, текст — атрибут сознания. Если привести примеры устойчивых сочетаний в высказываниях типа *По газонам не ходить!*, *Экономьте воду / электроэнергию!* (*Keep off the grass!*; *Save water / Save the Watt!*), они интересны для нас тем, что их можно рассматривать как элемент и дискурса, и текста. Исследователь первого сосредоточится на том, что высказывание относится к конкретному действию, которое имеет социальный характер и обладает вполне определенным, ситуативным практическим смыслом. В данном случае действие уместно в пространстве, где есть газон и по отношению к нему есть возможность совершить передвижения или воздержаться от их совершения — ходить или не ходить; или имеется водо- и электроснабжение, безубыточная поставка которых может нарушаться субъективными поступками их пользователей, что, вполне объяснимо, может потребовать от них как водо-, так и энергосбережения. В результате появляются устойчивые словосочетания, вне рамок конкретных высказываний эти примеры лишаются практического смысла. Исследователя текста эти же выражения заинтересуют лишь в плане внутренних связей высказывания и его когнитивного эффекта, что позволяет описывать текстовые примеры как имеющие побудительную функцию с определенными значениями.

(2) Далее, дискурс описывается как процессуальная категория в силу своей потенциальной незавершенности, текст же мыслится как результат интенциональной деятельности человека. Дискурс любого типа,

в нашем случае политический, может включать в себя непрекращающееся воспроизводство (мы называем этот процесс *тиражированием*) высказываний в соответствующих им ситуациях или событиях. Например, в политическом дискурсе США в последнее время можно часто встретить устойчивое словосочетание *Russiagate allegations* — *намёки на скандалы, связанные с Россией* (по мнению авторов статей СМИ). Нетрудно восстановить пути образования этого сегодня уже ставшего устойчивым выражения — исходя из аналогии с *Watergate scandal*, относящего нас к событиям «прослушки штаба демократической партии в 70-х годах прошлого столетия, расположенного в гостинице «Уотергейт», республиканцами, что привело к отставке президента-республиканца Ричарда Никсона». Любый профессиональный дискурс есть результат деятельности всех субъектов, которые взаимодействуют в рамках конкретной профессиональной области, включая научные отрасли, в которых значение устойчивых выражений неотъемлемо от внутренней структуры изучаемого объекта. Впрочем, это уже иное поле для наблюдения и описания тех устойчивых словосочетаний, которые существуют в научном дискурсе.

Приведем еще один развернутый пример, позволяющий взглянуть на медийный дискурс через призму изучаемых нами конструкций, который шлифуется, тиражируется многочисленными СМИ, приобретая в процессе использования определенную социальную актуальность и аксиологию, причем часто отрицательную. В дискурсивном поле значение высказываний всегда формируется и развивается в процессе воспроизводства дискурсивных элементов: каждое последующее высказывание уточняет, дополняет, воспроизводит, иногда опровергает предыдущее значение. В конечном итоге устойчивое словосочетание начинает активно тиражироваться всеми СМИ:

*Obama's attempt to undermine Trump was **stepped up a notch** in late December. Imposition of new sanctions on Moscow, including expulsion of 35 Russian diplomats and closure of two diplomatic compounds, was clearly designed **to trigger tit-for-tat retaliation**. Instead, Russian President Vladimir Putin refused **to take the bait**, preferring to wait for grown-ups to take over in Washington on January 20 and inviting American diplomats' kids over to the Kremlin to see the Christmas tree. Trump then **rubbed salt in the Russophobes' wounds** by praising Putin as "very smart" for his restraint. — В конце декабря попытки Обамы ослабить Трампа **поднялись на новый уровень**. Введение новых санкций против Москвы, включая высылку 35 российских дипломатов и закрытие дипмиссий, было, несомненно, задумано так, чтобы автоматически **запустить в ответ зеркально направленные меры**. Прези-*

дент России Владимир Путин не **поддался на провокацию**. Вместо этого он предпочел подождать, когда взрослые люди придут на смену власти в Вашингтоне 20 января, и пригласил детей американских дипломатов в Кремль на новогоднюю елку. После этого Трамп **усугубил положение всем Русофобам**, похвалил Путина, назвав его «очень умным» при всей его сдержанности.

Этот небольшой по величине, но удивительно яркий и сочный фрагмент дискурса весьма показателен, если изучить всю палитру использованных устойчивых словосочетаний, фразовых глаголов, сложных словзаимствований и библеизма, которые в нем использованы. Их употребление неслучайно, как показывает анализ, все они способствуют развитию массмедийного дискурса. В (1) словосочетании, **stepped up a notch: to step up** — это фразовый глагол, синонимами которого может выступить любой из данных нефразовых глаголов: *to enhance / to grow / to increase*, etc. Маркированный компонент **a notch** является нетривиальным для этого устойчивого сочетания, поскольку заимствован из другого понятийного (технического) поля. Следующее (2) выражение, **to trigger tit-for-tat retaliation** — это устойчивое сочетание, в состав которого входит идиома-библеизм: **tit-for-tat** («око за око, зуб за зуб»), а глагол *to trigger* (первое его значение «спускать курок») выступает в качестве маркированного члена в сочетании **to trigger retaliation**. Это значение привносит агрессивный, милитаристский аспект в эту конструкцию, что также делает использование данного значения нетривиальным. Переводчик выбрал нейтральное значение этого компонента — «запустить в ответ зеркальные санкции». Это можно объяснить тем, что стилистически оно того же плана, как и остальные структуры дискурса. Далее, (3) словосочетание, **to take the bait** является идиомой; оно может иметь несколько ярких стилистически окрашенных вариантов перевода: «проглотить наживку / клюнуть на приманку / клюнуть на удочку, etc.». Переводчик вновь предпочитает нейтральное значение при передаче этого фразеологизма. И последнее, (4) словосочетание, **to rub salt in the Russophobes' wounds**, является идиоматическим выражением, с прямым значением: «сыпать / втирать соль на рану», переносное значение которого «*делать больно / причинять боль*». *Русофобы* — сложное слово, первая его часть указывает на принадлежность к России и ко всему русскому, вторая часть — это заимствование из греческого *φοβος* «страх». Общее значение не является простой суммой двух компонентов сложного слова; подразумевается неприятие, предвзятость, подозрительность, а зачастую ненависть и агрессия в отношении всего русского и России, в частности.

(3) Дискурс актуален, то есть соотносится с положением вещей и событий «здесь и сейчас», с конкретными условиями деятельности, с практическим смыслом; иными словами, дискурс имеет отношение к той ситуации, когда реальное высказывание соотносится с реальными последствиями, событиями и не обладает статусом самостоятельности. Текст — виртуален, то есть его отличает автономная сущность, он самодостаточен и может не иметь реального референта. Скажем, миф можно рассматривать как текст, обладающий автономной языковой действительностью (например, предание или легенда), и как дискурс, который создается в определенных социальных условиях, ведет к конкретным социальным действиям и обуславливает их (например, мифы современной рекламы и политики).

Сегодня этот фактор лежит в основе многочисленных «фейковых» новостей (“fake news”). Эти «придуманные / выдуманные / фальшивые» новости сотканы из мифа, полуправды и откровенно лживых высказываний относительно определённых важных событий. Например, президент США характеризует CNN как *fake news / fake agency* и отказывается давать этому агентству интервью. Это слово мгновенно взлетело сегодня в топ-определение политических событий.

Еще один пример развертывания дискурса посредством устойчивых словосочетаний: *Then, on the very day Trump was officially elected president in the Congressional tally of Electoral College votes — and was briefed by intelligence community honchos — the Empire Struck Back.* — И, наконец, в тот самый день, когда Трамп был официально избран президентом США большинством голосов Коллегии выборщиков Конгресса, и его кратко проинструктировали **руководители спецслужб, Империя нанесла ответный удар**. Анализ этого отрывка дискурса интересен тем, что в его составе нами обнаружены всего лишь два устойчивых словосочетания, но каких! Трудно не заблудиться при переводе таких конструкций, без навыков понимания внутренней формы слова, или прямого и переносного значения словосочетания, или осознания того, что слово или его часть может являться заимствованием. Устойчивое сочетание (1) — *intelligence community honchos* имеет один маркированный элемент, который к тому же является заимствованием из японского языка и характеризуется отрицательной аксиологической составляющей. При переводе использовано нейтральное прямое значение, «глава / руководитель», но это было решение переводчика, ибо в японском заимствовании: *han'chō* (*group leader*) слово характеризуется низким стилистическим регистром — «босс / лидер группировки». (2) Второй пример наиболее по-

казателен в плане развертывания дискурса: *Empire Struck Back* — *Империя наносит ответный удар* — это элемент литературно-художественного дискурса фантастики. Если переводчик не видел фильм или не читал книгу «*Звёздные войны*», понять это выражение он не сможет, поскольку устойчивое выражение, в котором сконцентрировалось жанровое своеобразие мифов, фэнтези и научной фантастики, апеллирует к дискурсу, который может быть развернут следующим образом: «Борьба за Галактику обостряется. Войска Императора начинают массированную атаку на повстанцев. Хан Соло и принцесса Лейя укрываются в Заоблачном Городе; там их захватывает Дарт Вейдер; Люк Скайуокер находится на таинственной планете джунглей, где Мастер джедаев Йода обучает молодого рыцаря навыкам обретения Силы».

(4) И, наконец, дискурс одновременно является фактом человеческой реальности и конструктом: то, что говорится в определенном социальном контексте, является элементом фактической социальной реальности и имеет социальные последствия. Смысл следует искать в том, что уже сказано. У дискурса диалогичная и полифоничная природа, что всегда оказывает сильное воздействие на массы людей. Природа текста монологична: она располагает к его индивидуальному восприятию и анализу.

5. Специфика передачи устойчивых сочетаний на русский язык

5.1. Прямые и переносные значения устойчивых сочетаний

Проанализируем пример, который с учетом вышесказанного ярко и доходчиво раскрывает конкретику развертывания медийного дискурса: *This claim, and other in the same vein, is presented with no actual evidence. (For those unfamiliar with spook-speak, “high confidence” means “we think so but don’t know for sure.”)*. — *Это и другие такие же утверждения представлены без каких-либо фактических доказательств. (Для тех, кто незнаком со шпионским жаргоном, «высокая доля достоверности» означает «мы так считаем, но точно, в народе говорят “навверняка”, не знаем)*). Становится понятно, что это многократно повторенная насмешка СМИ над цитированием премьер-министра Великобритании Терезы Мэй относительно дела отравления Скрипалей. Анализ маркированного компонента указывает на прямое значение этого слова: «*привидение*»; переводчик, конечно, использовал переносное значение: «*шпионский жаргон*». Именно это появившееся на наших глазах устойчивое выражение выступило основой для продуцирования множества текстов, то есть оказало влияние на последующее развитие массмедийного дискурса, тем самым подтверждая верность выдвинутой нами гипотезы о специфике его развертывания.

5.2. НЕСТАБИЛЬНОСТЬ РАЗВЕРТЫВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ

Одна из трудностей, возникающих при исследовании устойчивых словосочетаний, «работающих» на массмедийный дискурс, кроется в динамическом характере последнего. Методы и инструменты, используемые для анализа слов и словосочетаний в статике, в качестве стабильных элементов системы, в целом слабо применимы к дискурсу. Кроме того, сами конструкции при функционировании в дискурсе вдруг оказываются далеко не стабильными, обнаруживая при этом семантическую вариативность, многозначность, «многослойность» и т. д. Приведем пример: *One influential former minister said Prime Minister Theresa May is facing “a stalking horse challenge” to remove her as Prime minister if she caves to Labor demands, and waters down the “Hard Brexit”*. — *Один влиятельный экс-министр заявил, Тереза Мэй stout перед «проблемой **чисто технической кандидатуры**», что может лишить её поста премьер-министра, если она уступит требованиям лейбористов и смягчит «жесткий сценарий **Брексит**»*. Если изучить маркированные части устойчивых сочетаний *a stalking horse* и *Brexit*, мы убедимся, что первое из них использовано в своем переносном значении (прямое значение — «заслонная лошадь»). Второй маркированный компонент — *Брексит* — это сложное слово, акроним, состоящий из слов *Britain* и *Exit* — *Brexit*, многослойность, семантическая многозначность и вариативность которых затрудняют понимание компонентов в статике. Глаголы *cave to* и *water down* также органично вписываются в динамику дискурса.

5.3. РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ, СЛОЖНЫХ СЛОВ И АКСИОЛОГИИ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ ПРИ ИХ ПЕРЕДАЧЕ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Исследования показывают, что специфика развертывания массмедийного дискурса проявляется на лексическом, стилистическом и фразеологическом уровнях. Например, причина появления новой просторечной, жаргонной, заимствованной лексики и словосочетаний кроется в новых событиях в стране и мире: денотаты требуют специфического обозначения и передачи [Чудинов, 2007, с. 91]. Можно предположить, например, что причиной использования в примерах японского и греческого заимствований, *honchos* («босс / главарь / руководитель») и *phobos* («неприятие» / «предвзятость» / «подозрительность» и т. д.), послужило не отсутствие соответствующих английских эквивалентов, а желание говорящих передать новый денотат более сложным способом, с опорой на устойчивое словосочетание с отрицательной аксиологией. Под усложненным способом передачи денотата в приведённых примерах авторы статьи понимают такой фактор, как нетривиальность восприятия конкретных конструкций носителями языка.

Также представляется интересным еще раз указать на заимствованную из Библии идиому *tit-for-tat* («око за око, зуб за зуб»). Это сочетание выступает здесь как маркированное, то есть употребленное не в своем прямом древнем библейском значении. Первоначально оно означало: «каждому воздастся по заслугам его». У всех народов есть понятие справедливого возмездия. Оно предполагает равноценный ответ за нанесенную обиду, оскорбление или любой другой ущерб. Внутренняя форма этого словосочетания имеет исключительно негативные коннотации, оно никогда не используется в смысле «платить добром за добро в равной мере». Непрозрачность выводимости значения и усложнение способа указания на денотат проявляются в некотором изменении аксиологии — она стала нейтральной в его нестандартном описании и, соответственно, в переводе. Отсюда появилось переинтерпретированное значение «*зеркальные меры*».

Если в процессе развертывания (формирования) дискурса говорящий концентрируется на признаках значения, которые отвечают в его представлении условиям подобия, то мы имеем дело с фразеологизмами, устойчивыми словосочетаниями. Понять метафору и устойчивое словосочетание — значит разгадать, какие из свойств обозначаемого (денотата) актуализированы. «В метафоре всегда присутствует неоднозначность прочтения, поскольку ее основной объект скрыт за вспомогательным объектом, но оба они в конечном итоге образуют единый сплав — новое значение» [Телия, 1988, с. 48], что также справедливо и для устойчивых словосочетаний.

6. Выводы

Итак, специфика дискурсивного развертывания английского массмедийного дискурса с помощью устойчивых словосочетаний обусловлена восприятием данных сочетаний определенным языковым социумом. Свои дискурсивные значения эти конструкции получают в динамическом развертывании массмедийного дискурса. При этом в своем понимании значения мы исходили из такого его определения, которое указывает только на ту информацию, которую языковой знак сообщает о своем денотате, выводя значения анализируемых словосочетаний из наблюдаемых фактов употребления исследуемых конструкций. Неоднозначность выводимости значения и усложнение способа указания на денотат проявляются в расширении формы слова, в его нестандартной передаче, в переинтерпретации и, соответственно, в трудностях перевода. Функционирование единиц такого типа в массмедийном дискурсе можно объяснить желанием автора

оказать нужное воздействие на сознание своего адресата, поскольку такое влияние, будучи правильно употребленным, является одним из наиболее сильных политических инструментов воздействия на общество.

Источники

1. *Armstrong P.* Russian Federation Sitrep [Electronic resource] / P. Armstrong // The Russian Observer. — 2018. — 31 мая. — Access mode : <https://patrickarmstrong.ca/2018/05/31/russian-federation-sitrep-31-may-2018/>.
2. *Blinder A. S.* Six Errors on the Path to the Financial Crisis [Electronic resource] / A. S. Blinder // The New York Times. — 2017. — 24 января. — Access mode : <https://www.nytimes.com/2009/01/25/business/economy/25view.html>.
3. *Durden T.* Conservatives Prepare “Secret Plot” To Oust UK’s May If She Backs Off “Hard Brexit” [Electronic resource] / T. Durden // Zero Hedge. — 2017. — 17 июня. — Access mode : <https://www.zerohedge.com/news/2017-06-17/conservatives-prepare-secret-plot-oust-uks-may-if-she-fails-deliver-hard-brexite>.
4. *Jutras J. G.* How American Media Serves as a Transmission Belt for Wars of Choice [Electronic resource] / J. G. Jutras // Chronicles. — 2016. — 22 сентября. — Access mode : <https://www.chroniclesmagazine.org/the-oligarchy-is-losing-its-grip-but-its-death-throes-may-prove-fatal-to-us/>.

Литература

1. *Баранов А. Н.* Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — Москва : Знак, 2008. — 656 с.
2. *Борботько В. Г.* Принципы формирования дискурса : от психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. — Москва : URSS, 2007 — 288 с.
3. *Будаев Э. В.* Зарубежная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта; Наука, 2008. — 352 с.
4. *Демьянков В. З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — Москва : Издательство МГУ, 2003. — С. 116—133.
5. *Селиверстова О. Н.* Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 959 с.
6. *Телия В. Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. — Москва : Наука, 1988. — С. 26—52.
7. *Терехова Е. В.* Синтаксические типы и отношения временно-устойчивых словосочетаний, средства их описания и особенности перевода на русский язык / Е. В. Терехова // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2009. — № 2 (12). — С. 29—38.
8. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта; Наука, 2007. — 255 с.

English Mainstream Texts and Specifics of Their Discourse Expansion

© **Terekhova Evgenia Victorovna (2018)**, orcid.org/0000-0002-5470-2804, Chair, Foreign Languages Dept., National Scientific Center of Marine Biology, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Full Prof., Doctor of Sciences (Linguistics) (Vladivostok, Russia), evgeniavlad@gmail.com.

© **Savintseva Svetlana Ivanovna (2018)**, orcid.org/0000-0001-7551-037X, associate professor, Foreign Languages Department, National Scientific Center of Marine Biology, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia), s_savintseva@mail.ru.

© **Zban Anna Valentinovna (2018)**, orcid.org/0000-0002-9992-9500, associate professor, Foreign Languages Department, National Scientific Center of Marine Biology, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia), for_azban@mail.ru.

The paper discusses English mainstream discourse specifics and its expanding under the lens of collocations. With discourse definition being provided, discourse vs text differences are reviewed. Based on the mainstream discourse definition, collocation examples borrowed from the authentic English sources have been collected and studied. The paper analysis is focused on featuring their semantics, with some of the examples undergoing reinterpretation of the words' direct meaning. Other cases are emphasized as hard to reveal the direct meaning due to lack of information transparency or triviality conveyed by a marked out component of the collocation. The scientific originality of the study is expected to be found in the way the authors verbalize the information. The specific intentions are conveyed by "packing" them into a language structure with specific features attached. The backdrop knowledge used embraces both the language structure insights and those of the social context, social "landscape", anthropogenic figurativeness, etc to reach the targeted addressee. The research topicality as considered by the co-authors, involves identifying the usual discourse expansion features which characterize general or specific language "landscape". The verbs and collocations with a certain role to play in a verbal and cognitive process of discourse expanding, its dynamic changes and mainstream text organization are analyzed as a part of the respective semantic field.

Key words: text discourse expansion; collocations; marked/unmarked components; backdrop knowledge; anthropogenic figurativeness; social landscape; semantic field; addressee; mainstream texts.

Material resources

Armstrong, P. 2018. Russian Federation Sitrep. *The Russian Observer*. Available at: <https://patrickarmstrong.ca/2018/05/31/russian-federation-sitrep-31-may-2018/>.

Blinder, A. S. 2017. Six Errors on the Path to the Financial Crisis. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2009/01/25/business/economy/25view.html>.

Durden, T. 2017. Conservatives Prepare "Secret Plot" To Oust UK's May If She Backs Off "Hard Brexit". *Zero Hedge*. Available at: <https://www.zerohedge.com/>

news/2017-06-17/conservatives-prepare-secret-plot-oust-uks-may-if-she-fails-deliver-hard-brexite.

Jutras, J. G. 2016. How American Media Serves as a Transmission Belt for Wars of Choice. *Chronicles*. Available at: <https://www.chroniclesmagazine.org/the-oligarchy-is-losing-its-grip-but-its-death-throes-may-prove-fatal-to-us/>.

References

- Baranov, A. N., Dobrovolskiy, D. O. 2008. *Aspekty teorii frazeologii*. Moskva: Znank. (In Russ.).
- Borbotko, V. G. 2007. *Printsipy formirovaniya diskursa: Ot psikholingvistiki k lingvosin-ergetike*. Moskva: URSS. (In Russ.).
- Budaev, E V., Chudinov, A. P. 2008. *Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika*. Moskva: Flinta; Nauka. (In Russ.).
- Chudinov, A. P. 2007. *Politicheskaya lingvistika*. Moskva: Flinta; Nauka. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. 2003. Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI. In: *Yazyk SMI kak obyekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya*. Moskva: MGU. 116—133. (In Russ.).
- Seliverstova, O. N. 2004. *Trudy po semantike*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
- Teliya, V. N. 1988. Metafora kak model smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenoch-naya funktsiya. In: *Metafora v yazyke i tekste*. Moskva: Nauka. 26—52. (In Russ.).
- Terekhova, E. V. 2009. Sintaksicheskiye tipy i otnosheniya vremenno-ustoychivyykh slovosochetaniy, sredstva ikh opisaniya i osobennosti perevoda na russkiy yazyk. In: *Nauchnyy Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturo-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennyye lingvisticheskiye i meto-diko-didakticheskiye issledovaniya, 2 (12)*: 29—38. (In Russ.).